

Василий Сенкевич

Uniwersytet Przyrodniczo-Humanistyczny w Siedlcach
vasili.siankevich@uph.edu.pl

Vasilij Senkevich

Siedlce University of Natural Sciences and Humanities
vasili.siankevich@uph.edu.pl

ПРИНЦИП АНТИНОМИЧНОСТИ И ЭТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ЯЗЫКА

ANTINOMICAL PRINCIPLE AND ETHICAL ASPECTS OF LANGUAGE

Статья посвящена обоснованию лингвистической релевантности принципа антиномичности. Отмечается важность негации для изучения археологии человеческого сознания и воплощения его феноменов в живом слове. Идея бесследности позволяет противопоставить язык как систему знаков языку, присутствующему в непосредственном общении с его аппеллятивным инструментом — живым словом. Описываются характерные черты слов-меток, их этическая сущность и реальный характер. Обосновывается идея феноменологической лингвистики, противопоставленной лингвистике институциональной.

Ключевые слова: антиномичность, метка, феномен, этос, остраение, живое слово.

The article is focused on explanation of linguistic relevance of an antinomical principle. It points out the importance of negation in studying the archaeology of human consciousness and embodiment of its phenomena in a spoken word. The idea of leaving no trace gives the opportunity to oppose the language as a system of signs to the language that appears in direct communication and a spoken word, being its appellative tool. Characteristics of word-marks, their real nature and ethical essence are described. The idea of phenomenological linguistics which is opposed to institutional linguistics is revealed.

Key words: antinomy, mark, phenomenon, ethos, deprivation, a spoken word.

Введение

Попытка осмыслить мир как единство познаваемого и познающего связана с принципом антиномичности языка (Э. Левинас, М. Бубер, Ж. Лакан, М. Бахтин, В. Топоров, А. Потебня и др.). Язык сопрягает в себе сущность (essentia) и существование (existentia) — восприимчивость и мо-

нументальность. Мир объективных явлений, существующих самих по себе, противопоставляется реальности «для нас».

Мысль о принципиальной антиномичности языка сформулирована в концепции В. фон Гумбольдта («эргон» и «энергея»). Учение об антиномичности языка является одним из основных направлений философии П. Флоренского: «когда начисто сглаживается антиномичность языка, то тем самым начисто уничтожается и самый язык» (Флоренский 1990: 185).

Целью настоящей статьи является обоснование важности «антитезиса» (негации) для языка и феноменологической лингвистики, прокладывающей путь к «живому слову живого человека» (М. Бахтин).

1. Мир бесследности, или Другая реальность

Существенной философской и языковой антиномией является антиномия следа и бесследности. Все или оставляет после себя след, или проходит незамеченным: *Все пройдет — так устроен свет...* (Л. Дербенев); но: *Ничто на земле не проходит бесследно...* (Н. Добронравов). Представление о следе связано с причинно-следственной деятельностью и ожидаемым результатом: *след* — «результат, последствие чьей-л. деятельности» (МАС, 4, 133)¹. Эта деятельность проявляется в мире ожидания, «в котором я знаю, что будет, или я ожидаю, что если я сделаю то-то и то-то, то будет то-то и то-то. <...> Однако реальность — всегда **другая**, и не действует по закону наших желаний» (Мамардашвили 1999: 23) Миру ожидания противопоставляется «мир предвкушения и послевкусия».

В выражениях *другая жизнь, другой человек, другое* и т. д. слово *другой (-ое)* не указывает на счет (ср. *второй*). *Другое* — в принципе другое: *Нет, я не Байрон, я **другой**, Еще неведомый избранник...* (А. Пушкин). Антитезу миру как явленной данности составляет мир, где ничего не дано как факт и не существует само по себе (как, напр., звук без уха, вкус без языка, смысл текста без читателя и т.п.). В другом мире все «не так» и «не такое», не «потому что», а «вопреки». Его смысл доступен тому, кто пишет «не от мира сего» — поэту: *Нет, ребята, **все не так!** **Все не так, ребята...*** (В. Высоцкий).

В мире, где «*так* не бывает» («*такого* еще не бывало»), все, что бывает и бывало, воспринимается как отчужденное «*всякое*»: ***Всякое бывает в жизни*** (Из разг.)². Однако то объективное, что не бывает, для субъекта есть элементом сознания — феноменом («несуществующей сущностью»). Э. Гуссерль): — *Его нет, но он есть. — В камне боли нет,*

¹ Здесь и далее: МАС — *Словарь русского языка*. В 4-х т. Ред. А. П. Евгеньева. М.: Издательство «Русский язык», 1985–1988.

² В статье приводятся иллюстрации, заимствованные автором из повседневного языка.

но в страхе от камня есть боль (Ф. Достоевский). Мир сознания — единственный подлинно доступный для восприятия и осознания внутренний опыт. «Самое близкое для моего познания — это моя реальность и «я» как реальность» (Ортега 199: 100).

В мире феноменов позитивная установка на знаковость сменяется интенцией «не наследить». Негативная ситуация «ничего» («...и следа не осталось») для человека здесь оказывается предпочтительной: *От шрама и следа не осталось. На лице его не было и следа волнения* и т. п. Незаметность обладает этической релевантностью: *И старостой при моем уж управлении ходил Юхванка, тоже ничем не замечен...* (Л. Толстой). *Воспитанный человек — это не тот, кто не прольет соус на скатерть, а тот, кто не заметит этого.* (А. Чехов). Бесследность и отсутствие каких-либо последствий воспринимается как благо: *Для меня все обошлось благополучно. Слава Богу, все обошлось* и т. п. (Из разг.).

Негативное состояние благодати составляет антитезу деятельности — позитивному «делу Закона» (ап. Павел). «Тезис «закона» исключает антитезис «благодати»; и антитезис «благодати» исключает тезис «закона». Получаем настоящую антиномию двух великих систем ценности: антиномию закона и благодати» (Вышеславцев 1994: 26). Закон является формой проявления необходимости, противопоставленной «обходимости» — тому, что не происходит «по результату», а осуществляется «по ходу» (без участия, вмешательства, наличия и т. п.); ср.: *обойтись* «пройти без неприятных последствий, благополучно закончиться, уладиться» (МАС, 2, 554). Установленные формальные рамки нормы как общего правила не могут предусмотреть всего богатства конкретных жизненных ситуаций. Закон лишен творческого начала: «Ни один человек не творит «по закону»; творчество возможно только «по благодати» (Вышеславцев 1994: 24). Феноменальная «для нас»-реальность не открывается как объект, но творится: «*Для вас поет N.*». «*Все для тебя...*» и т. п. Творчество предусматривает «своего» реципиента — читателя и слушателя.

Переходом к другому по формуле «не-А» знаменуется встреча с миром очевидного. Нет необходимости доказывать и убеждать в том, что говорит само за себя. Очевидность — не факт и не аргумент; ср.: *свидетель*, но: *очевидец*. Нет, например, такого факта, как жизнь. Суть живого в его фактической незавершенности: живой — *еще* живой, но никогда: *уже* живой. Факт же смерти устанавливается и документально свидетельствуется.

Парадоксальность очевидного в его иррациональной непонятности.

Существует ошибочное отождествление очевидного, вероятного и несомненного с рациональным и понятным. <...> Можно утверждать наоборот: наиболее очевидное непонятное. <...> Что может быть более очевидным за свет? Свет есть символ очевидности: *lumiere naturelle!* И вместе

с тем свет есть самое непонятное и таинственное в современной физике. <...> Что может быть очевиднее самосознания? И вместе с тем *ego*, душа, атман — есть самое иррациональное. (Вышеславцев 1994: 132).

Мысль о том, что в языке выражает себя не только *ratio*, но присутствует и иррациональное начало, которое «шевелится под порогом сознательной жизни с ее рациональными нормами и резонабельной волей» (Б. Вышеславцев), не новая для языкознания. Как считает В. А. Маслова, «сила языка в ее смысловой глубине, которая почти не изучена на сегодняшний день. <...> Это часть психики, где смыслы отличаются от рациональных и по организации (отсутствие каузации), и по существенным характеристикам. Это мир *несказанного*...» (Маслова 2019: 7).

Предикация отчуждает от подлинной реальности. *Сказать* — значит по-каз-ать, дать видеть. «Предмет знания с самого начала отрешен от того, что познается. <...> Когда явилась потребность узнать предмет, то, очевидно, что разумение уже считало его чуждым себе...» (Герцен 1948: 138). Ср.: *Все, что видим мы, видимость только одна. Далеко от поверхности мира до дна. Смысла этих картинок понять не пытайся, Ибо скрытая сущность вещей не видна* (О. Хаям).

Несказанное — непередаваемый допредикативный опыт человека: *несказанное блаженство, несказанное великолепие, несказанное очарование, несказанное удовольствие, несказанное изумление* и т. п.; **Несказанное**, *синее, нежное...* (С. Есенин); *«Не сказано»* (З. Гиппиус). Несказанному сопутствует возвышенное чувство: **Несказанное** *величие этого зрелища меня сразило: увлеченный им, я стал на колени перед святынею материнской скорби...* (В. Жуковский). Все сказанное о реальности не может заменить живого опыта встречи с ней, в которой она со всей очевидностью предьявляется очам смотрящего и ушам слушающего.

Мир несказанного не принадлежит языку как абстрактной функционально-знаковой системе, имеющей утилитарно-прагматическое значение, однако присутствует в разовом опыте человека говорящего (*Homo loquentes*). Языком как системой знаков можно пользоваться, но человек отнюдь не творец его. Все попытки исключить человеческую перспективу из языковой архитектоники мира неминуемо ведут к бессмысленности и схематизму.

2. Феноменология метки. Принцип различия

Антиномия следа и бесследности соотносится с проблемой знаковости языка. Знак возникает как результат следа. Проходящее не оставляет видимых знаковых свидетельств, однако его ход заметен и отмечается инстанцией смотрящего — Другого: *Все живое особой метой Отмечается с ранних пор...* (С. Есенин). Метка — другой знак. На отли-

чие *слов-меток* (notae) и *слов-знаков* (signum) указывал английский философ Т. Гоббс в связи с антитезой «памятного» и «незабываемого». «Слова в своей сущности, прежде всего, метки, служащие для того, чтобы что-то не забыть. Одновременно, но во вторую очередь они служат также обозначению и сообщению того, что мы сохраняем в памяти» (Гоббс 1964: 328).

Звучит парадоксально, однако хранить в памяти — не значит, не забывать. Так, фраза «*Я тебя запомнил*», будучи речевым актом, не тождественна словам признания: «*Век тебя не забуду*». В признании говорящий становится на путь вербальной презентации и развертывания текста: *Не забуду твоих прекрасных глаз, твоей очаровательной улыбки, волшебных звуков твоих слов...* Творится не картина, а эйдос (рисунок) реальности, приближающий ее к адресату.

Языковые знаки и правила их сочетания хранятся в памяти как нечто готовое и непреложное. В забываемом не проявляется историческая монументальность знака, однако присутствует феноменологический аспект восприятия (напр., *незабываемый вкус детства, забываемая встреча, забываемые слова* и др.). Фразема *помнить себя* указывает на вменяемость личности («Я»). Забывчивость — имперсональное этологическое состояние человека: *забыться* «не сдержаться себя», «выйти из границ принятого поведения»: ... *Слишком вы забылись ... И ныне в первый и последний раз Не говорить со мной прошу покорно вас*. М. Лермонтов (МАС, 1, 498).

Память жертвенна: *Вспомним всех поименно, горем вспомним своим...* (Р. Рождественский). Памятное ассоциируется со смертью: *памятник жертвам фашизма, хранить память о погибших героях, Memento mori* и т. д. Незабываемое, наоборот, непременно ориентировано на «пока-еще-живое»: *не забыть проведать маму, не забыть поздравить с днем рождения друга* и т. д. При всем уважении к исторической памяти и ее универсальности нельзя, однако, не отметить антиномическую интенцию: «Помнить — это еще не все». В другом «еще»-мире («еще не вечер», «еще мой поезд не ушел» и т. п.) царит забываемое; здесь нет места тому, что уже стало достоянием памяти. Характерная черта незабвенного — длительность. Длительное составляет антиномию пространственно-временной протяженности «этого» мира. Подлинная жизнь не продолжается (тянется), а длится.

Различие между метками и знаками основывается на том, что «первые служат и имеют смысл для нас самих, а последние — нечто значат для всех остальных» (Гоббс 1964: 328). Направленное «кому» всегда предполагает предметно-дистрибутивное «что»: *Кому блин, кому клин. Кому чарка, а кому палка. Кому что, а курице просо* и т. п. Такой содержательной предметности нет в ситуации «для кого»: *Для кого как, а для меня подходит* (Из разг.).

Метка служит для того, чтобы не забыть: *Он внезапно замолчал и, чтобы не забыть, пометил единицей еще один кружок* (А. Клименко). Есть разные способы отмечания; наиболее подходящий — пометка (*заметить для себя*). Однако пометить что-то, не значит записать его. В записке содержится момент установления: — *Хочу записать вот эту последнюю фразу господина Рудина* (И. Тургенев). Для записи требуется инстанция наблюдателя: *записки* «чьи-л. наблюдения, воспоминания и т.п.» (МАС, 1, 556). Записывающий следит за событиями, однако не смотрит и не отмечает их ход. В результате наблюдения рождается художественный дискурс: *записки* «литературное произведение в форме дневника, воспоминаний» (МАС, 1, 556).

Записка обычно рассчитана на передачу. Однако, то что не записывается, а помечается (пол. *notować*) не рассчитано на трансляцию; ср.: *конспект*, но: пол. *notatki*. С ним можно непосредственно познакомиться и его можно перенять. «Когда скульпторы мнут глину, когда художники покрывают красками холсты, когда поэты ищут верных слов, чтобы выразить, что им надо, никто из них не задается целью передать свои чувствования остальным» (Брюсов 1904). Любое творчество есть творчество «для кого» — Другого.

Язык меток (*notować*, бел. *натаваць*) не имеет дискурсивной природы. Его «нотная грамотность» противопоставляется компетенции дискурсивного «каза»; ср.: *сказать*, но: *заметить*. В метке видение и картина мира уступает место его усмотрению и архитектонике: *смотреть* (как?) — *видеть* (что?): *усмотреть* «заметить» (МАС, 4, 520). Человек не только «следователь» и «исследователь», но по жизни выступает еще и «смотрящим» за проходящим. Последнее распознается им и, если оно того стоит, познается, воплощаясь в заметках-впечатлениях. Слово *воплощение* выражает сущность любой художественной задачи. «Воплотить — значит овеществить то, что само по себе вещью не является» (Ортега 199: 74).

Одни пробуют разобраться в чем-то, понять что-то до конца, другие, наоборот, пытаются проникнуть в сущность чего-либо, дойти до его начала (архе). Существует принципиальное различие между познанием и пониманием. Понимание — законченное прошедшее время, предполагающее, что нечто понято, и тем самым вопрос и закрыт. Однако то, что нам близко, с чем мы знакомимся непосредственно, являет для нас открытый вопрос. Путь познания никогда не бывает «до конца» (точки), напр., познание другого человека.

Отмечается важное для кого: NB — лат. *nota bene* «заметь хорошо». Ничего не сообщая, пометки, однако, многое говорят о сущности и характере человека. Например, издание «Завет государя» представляет собой книги Ветхого Завета с пометками царя Николая II, сделанными им в последние дни перед крушением Российской Империи. По словам

Патриарха Московского и всея Руси Алексия, «пометки подобного рода помогут более глубоко определить приоритеты внутренней духовной жизни последнего российского императора» (Завет государя 2000: 2).

В заметке схватывается сущность чего-кого-либо. У вещей есть некая глубинная реальность, в которой феноменология усматривает царство смыслов и сущностей, интуитивно-достоверных, вечных и непреходящих. Всё существующее имеет форму, цель и назначение. Однако существование — это бытие обусловленное и зависимое. Сущность есть нечто вечное. О ней нечего сказать, кроме того, что она без видимой причины есть: «...to wieczne JEST, co ani było, ani będzie, ani może być, niepodległe wolnym wyborom, nieodstępne od najlepszości, nieludzko koniecznie» (Bańkowski 2000: 3). Существование обременительно для человека; его крест: *Человек в доме должен **жить**, а не только **существовать*** (Ф. Гладков); ср.: *владеть жалкое существование*.

Сущность не понимается рассудочно, однако познается в ходе непосредственного восприятия: «Выслушаем сущность всего» (Экклезиаст, 12:13). В работе *Путь к языку* М. Хайдеггер уверяет, что «сущность человека покоится в языке». <...> Говорить — значит «перенестись в область сущности языка или оказаться в том месте, где обитает сущность. Язык сущности есть подлинный язык» (Хайдеггер 1993).

Институционально конструируемой действительности противопоставляется творчески создаваемая реальность. Здесь идентификация уступает место аутентификации (др.-греч. αὐθεντικός ‘подлинный, настоящий’). Например, лексемы *муж* и *жена* идентифицируют лиц в институте брака. Слова же *мужчина* и *женщина* не являются идентификаторами. Распознать в ком-то мужчину либо женщину — не значит их идентифицировать:

У одного из строений Чичиков скоро заметил какую-то фигуру. <...> Долго он не мог распознать, какого пола была фигура: баба или мужик. <...> «Ой, баба! — подумал он про себя и тут же прибавил: — ой, нет!» — «Конечно, баба!» — наконец сказал он, рассмотрев попристальнее.

(Н. Гоголь, *Мертвые души*)

Одно дело быть абсолютно убежденным в чем-ком-нибудь, и совсем другое — находиться в полной уверенности по поводу подлинности чего-либо. К реалиям из феноменального мира вероятности реципиент подходит «нотариально», удостоверяя их подлинность: — *Ну, что ты? От стакана водки опьянел. **Какой же ты мужчина*** (Л. Леонович).

Знак выполняет различительную системообразующую функцию. Термин *различие* восходит к семиотическому различию Ф. де Соссюра (Соссюр 2016). Однако в познании оказывается не важным знаковое различие, релевантность здесь обретает различание (ср.: *различие*, но: *раз-*

ница)³. Различание в смысле опознания подразумевает сходство, воспринимаемое в аспекте проксиматического параметра приближения-отдаления (*близкий* — похожий, *далекый* — не похожий). Названный феномен востребован в области проходящего, где все находится на грани исчезновения — «стирания» любых следов. Различание подразумевает удаленность, не данность всего во времени и пространстве как факта и находится вне рациональных категорий. Жак Деррида настаивал на том, что различание не является концептом и не может быть понято в рамках системы знаков (Деррида 2000: 384).

Релевантность различания обнаруживается в познании и этиологии человека: *различить* «распознать какой-л. предмет, явление, среди других» (МАС, 3, 611). Феномены (счастье, любовь, дружба, правда и т. п.) не идентифицируются, но различаются: — *А я скажу, — продолжал Паклин, — что у вас, господи, чутья нет; что вы не умеете различить, кто ваши настоящие друзья!* (И. Тургенев). Смысл «без разницы» (*абы с кем, абы-как, абы-где* и т. п.) оказывается необычайно релевантным в этической области и получает субъективную интерпретацию в слове. Смысловым вектором «абы» знаменует отсутствие цивилизованности — варварство — и связанные с ним аспекты «клоачности» повседневной жизни и языка. Ситуация неразличения («абы») не этична: *А ему абы день до вечера. Абы ему было хорошо, а на других наплевать* (Из разг.). В языковом сознании доминирует возвышающая и вселяющая уверенность интенция «не-абы»: *не абы кто, а..., не абы-какой, а..., не с кем попало...* и т. д.

Различание востребовано в ситуации, где важно не перепутать «свое» и «чужое». «Свое» признается по-настоящему милым, чужому же отказывается в признании; оно объективируется, ср.: *в моей Беларуси, но: в этой Беларуси*. Вырабатывается некий «иммунитет цивилизации», препятствующий проникновению в свой мир незнакомого. Установка на «чужака» неизменно присутствует в языковом сознании автохтонов («тутэйших»): — *Чужой человек, зачем ты пришёл на нашу землю? — Не называй меня чужим человеком! — Хорошо, чужой человек* (из кинофильма *Земля Санникова*).

В различании усматривается реальное сходство и его отсутствие — разница. Однако строго логически ни объекту, ни его понятию дела нет, похожи ли они на что-нибудь или не похожи, ср.: *Comparaison n'est pas raison* (франц.). О похожих объектах говорится, что они *аналогичны*. В основе аналогии лежит способность всего живого к подражанию. Кроме способности рассуждать, «человеческая природа обладает важным ин-

³ Термин *различание* является переводом на русский язык сконструированного Ж. Деррида неологизма *Differance*, совмещающего значений двух латинских слов — *differer* (различать) и *defaire* (разбирать).

струментом, который влияет на ее совершенствование. Это способность к подражанию, заложенная в самой сущности человека. <...> Подражание — внутренний импульс, благодаря которому перенимается то, что оказывает на нас влияние» (Ватопедский 2005: 51).

3. *Эйдический этос. Феноменологическая лингвистика*

Этика обнаруживается в ситуации, когда путем аналогизирующего восприятия создается презентация (эйдос) Другого. «Подражание принадлежит сфере человеческого *этоса*, который выражает внутренний настрой характера человека в зависимости от его идеалов» (Ватопедский 2005: 50). Понимание этоса как способа изображения характера человека через его язык восходит к античной эстетике. «Закон подражания формирует человеческий характер не по принципу копирования отдельных свойств, но посредством интуитивного опознания некоторого «устроения», сообразного идеалам человека» (Ватопедский 2005: 51). Устройство («устроение») не имеет аппаратных свойств (ср.: *устроить*, но: *организовать*). Акцентуация этоса приоткрывает занавес над тем, как человек устроен в жизни.

Этос — путь преодоления обыденности. Подлинная жизнь не может быть обычной и пошлой: *Нет ничего страшнее, оскорбительнее, тоскливее пошлости* (А. Чехов). «Человек, действия которого диктуются этосом, совершает нечто исключительное, выходящее за рамки обычных представлений и поступков, нечто такое, что не поддается привычному рационалистическому объяснению» (Анчел 1988: 4).

«Души прекрасные порывы» (А.С. Пушкин) и безразлично-пошрое «абы» воплощаются в языковом этосе. Термин «этический» связывается с этическим подходом (англ. *etic standpoint*), в котором присутствует взгляд Другого. Этическое не является знаковым: «этический — «не эмический; не обладающий семиологической релевантностью» (Ахманова 1996: 529).

В. Шкловским в филологию был введен термин «остранение» (от *странный*). Суть феномена в том, чтобы не называть вещи обычными именами. В стремлении к созданию еще небывалого возникают дериваты, в которой референт предстает в неожиданном свете. Реципиент как бы пробирается через «странную» форму к авторскому смыслу, воплощенному в ней. «Остранение», т. е. превращение вещей из обычных в «странные», является принципом творчества.

Если мы станем разбираться в общих законах восприятия, то увидим, что, становясь привычными, действия делаются автоматическими. <...> И вот для того, чтобы вернуть ощущение жизни, почувствовать вещи, для того, чтобы сделать камень каменным, существует то, что называется искусством (Шкловский 1929: 11–12).

По аналогии и благодаря творческому воображению возникают «остраненные» дериваты. Ничем иным, как стремлением к необычности, объясняются, например, окказионализмы, типа: миллион — *лимон*, e-mail — *мыло*, емеля, фонограмма — *фанера*, день рождения — *день варения*, молодец — *молоток* и т. п. Аспектом необычности вызвана к жизни перифраза:

Все обыкновенные слова казались ему /журналисту Ермолкину/ недостойными нашей необыкновенной эпохи, и он тут же выправлял слово «дом» на «здание» или «строение», «красноармеец» на «красный воин». Не было у него в газете ни крестьян, ни лошадей, ни верблюдов, а были «труженики полей», «конское поголовье» «корабли пустыни».

(В. Войнович, *Жизнь и необычайные приключения солдата Ивана Чонкина*)

Этическое имеет комплементарный (лат. *complementum* 'дополнение') характер. Например, высказывание *Она была совсем молодая* объективно значит «она была молода» и, как дополнение (камплемент), содержит имплицитный интенциональный смысл, обнаруживающийся в слове «совершенно». Говорящий как бы уверяет реципиента: «Я не преувеличиваю..., поверьте мне...» и т. п. Аналогичная феноменология восприятия присутствует и в высказывании «*Ты необыкновенно красива*». Высказывания со словом *очень* интерпретируются похоже: *Он высокий* — *Он очень высокий* и т. д.

Основанием этической релевантности единиц языка выступает их неспособность употребляться в роли аргументов. Например, слово *человек* — это различающее «звание», к которому не уместен вопрос «*Ты кто такой?*». Ср: *Я как студент... Ты как преподаватель...*; но: **Я как человек* (Почему «как»? Человек, и больше ничего). Позитивное «как» относит языковой знак к миру явлений, однако словом *человек* манифестируется феномен (сущность): *Что за мастерское создание — человек! В обличии и в движении — как выразителен и чудесен!* (В. Шекспир)

Этические элементы языка не могут быть тезисами. Например, никто не станет доказывать и убеждать истинность или лживость содержания пословица *Кашу маслом не испортишь*. Подобные паремии принадлежат к миру вероятности — воплощают жизненный опыт и уверенность человека.

Языковой инструментарий этоса составляют живые элементы языка. Характеристика «живое» по отношению к языку и его элементам интерпретируется в смысле их аутентичности (неповторимости). М. В. Панов заметил: «Близким к истине является утверждение, что ни один человек ни разу в своей жизни не произнес дважды того же самого звука» (Панов 1967: 8). Живое в языке, как и в жизни, сплетается с мертвым. «Многое из того, что мы думаем и делаем, — мертво. Мертвое, потому что —

это не твое настоящее чувство, а стереотипное, стандартное, не то, которое испытываешь ты сам» (Мамардашвили 1999: 37). В свете феноменологии доступен смысл реальности посмертия: *Нет, весь я не умру...* (А. Пушкин).

В рамках традиционной лингвистики с ее абстрактными понятиями, категориями и определениями невозможно постичь смысловую палитру живого слова. Указывая на этот недостаток лингвистического анализа, М. Бахтин писал:

Мы и в жизни очень чутко и тонко улавливаем все эти оттенки в языке людей из своего окружения, и сами очень хорошо работаем всеми красками нашей словесной палитры. <...> Тем поразительнее, что до сих пор все это не нашло отчетливого теоретического осознания и должной оценки.

(М. Бахтин 1979: 234).

Осмысление человека говорящего и живого слова оказывается доступным в свете феноменологического учения Э. Гуссерля и его школы. «Лингвистика XXI века, с полным основанием может быть названа феноменологической лингвистикой или «лингвистикой внутренних форм», сферу интересов которой составляют глубинные пласты «языкового» пространства слова...» (Карманова 2014 :231).

Феноменологическое учение все больше доходит до сознания широкого круга языковедов. Термин «феномен» обретает реальный смысл в связи с изучением аспектов воплощения в языке «жизненного мира» и созданием «лингвистики каждого дня», в которой наука о языке обретает черты реальности и начинает служить жизни.

Заключение

Благодаря принципу антиномичности традиционная лингвистика обретает свое дополнение — феноменологическую лингвистику, изучающую воплощение в языке сущностей, а не фактов. Феноменологически мыслящий исследователь уходит от монументальности языкового знака и поворачивается к вечно незавершенному творческому опыту человеческой жизни. Критерий идентичности в гуманитарном познании уступает место феномену аутентичности. Изучается язык сущностей и их незнакомое воплощение в живом слове. Феноменологическая лингвистика исследует этический языковой материал, присутствие которого связано с инстанцией Другого и феноменологией его мировосприятия. Языкознание как эйдическая наука не может не учитывать антиномичность языка и не исследовать парадоксально непонятный, но предельно очевидный для человека негативный (непроявленный) мир его сознания.

ЛИТЕРАТУРА

- Анчел Ева. *Этос и история*. М.: Мысль, 1988.
- Ахманова Ольга. *Словарь лингвистических терминов*. М.: Издательство «Советская энциклопедия», 1969.
- Бахтин Михаил. *Проблемы поэтики Достоевского*. М.: Советская Россия, 1979.
- Брюсов Валерий. *Ключи тайн*. URL: http://dugward.ru/library/brusov/brusov_kluchi_tayn.html (Дата обращения: 12.12.2017)
- Ватопедский Иосиф. *Слова утешения. Беседы о духовной жизни и о монашестве*. Богородицко-Сергиева Пустынь, 2005.
- Вышеславцев Борис. *Этика преображенного эроса*. М.: Республика, 1994.
- Герцен Александр. *Письма об изучении природы. Письмо третье: Греческая философия. Избранные философские произведения*. Л.: ОГИЗ Государственное издательство политической литературы, 1948.
- Гоббс Томас. *Левиафан, или Материя, форма и власть государства церковного и гражданского. Избранные произведения*. М.: Директ-Медиа, 2002.
- Деррида Жак. *Различание*. Перевод В. Лапицкого. СПб.: Академический проект, 2000.
- Завет государя*. М.: Православное издательство «Лествица», 2000.
- История философии: Энциклопедия*. Минск: Интерпрессервис; Книжный Дом, 2002.
- Карманова Зоя. *Феноменологические аспекты содержательной структуры слова*. Калуга: ИП Стрельцова И. А (Издательство «Эйдос»), 2014.
- Мамардашвили Мераб. *Психологическая топология пути. М. Пруст «В поисках утраченного времени»*. СПб.: Издательство Русского Христианского гуманитарного института: Журнал «Нева», 1997.
- Маслова Валентина. «Русский язык как духовная сущность и его роль в интеграции культур». Кураш Сергей (ред.). *Текст. Язык. Человек*. Мозырь: Издательство Мозырьского университета, 2019: 6–15.
- Ортега-и-Гассет Хосе. *Эстетика. Философия культуры*. М.: Искусство, 1991.
- Панов Михаил. *Русская фонетика*. М.: Просвещение, 1967.
- Соссюр Фердинанд де. *Курс общей лингвистики*. Екатеринбург: Издательство Уральского университета, 1999.
- Флоренский Павел. *У водоразделов мысли*. Т. 2. М.: Издательство «Правда», 1990.
- Хайдеггер Мартин. *Путь к языку*. URL: http://www.bibikhin.ru/put_k_yaziku (Дата обращения: 01.01.2020)
- Шкловский Виктор. *О теории прозы*. М.: Советский писатель, 1983.
- Bańkowski Andrzej. *Autor o sobie. Etymologiczny słownik języka polskiego*, Agata Mrozowska (red.), Warszawa: PWN, 2000.

LITERATURA

- Ahmanova Ol'ga. *Slovar' lingvisticheskikh terminov*. M.: Izdatel'stvo «Sovetskaja jenciklopedija», 1969.
- Anchel Eva. *Jetos i istorija*. M.: Mysl', 1988.
- Bahtin Mihail. *Problemy pojetiki Dostoevskogo*. M.: Sovetskaja Rossija, 1979.
- Bańkowski Andrzej. *Autor o sobie. Etymologiczny słownik języka polskiego*, Agata Mrozowska (red.), Warszawa: PWN, 2000.
- Brjusov Valerij. *Kljuchi tajn*. URL: http://dugward.ru/library/brusov/brusov_kluchi_tayn.html (Data obrashhenija: 12.12.2017)
- Derrida Zhak. *Razlichanie*. Perevod V. Lapickogo. SPb.: Akademicheskij proekt, 2000.
- Florenskij Pavel. *U vodorazdelov mysli*. T. 2. M.: Izdatel'stvo «Pravda», 1990.
- Gercen Aleksandr. *Pis'ma ob izuchenii prirody. Pis'mo tret'e: Grecheskaja filosofija. Izbranye filosofskie proizvedenija*. L.: OGIZ Gosudarstvennoe izdatel'stvo politicheskoy literatury, 1948.

- Gobbs Tomas. *Leviafan, ili Materija, forma i vlast' gosudarstva cerkovnogo i grazhdanskogo. Izbrannye proizvedenija*. M.: Direkt-Media, 2002.
- Hajdegger Martin. *Put' k jazyku*. URL: http://www.bibikhin.ru/put_k_yazyku (Data obrashhenija: 01.01.2020)
- Istorija filosofii: Jenciklopedija*. Minsk: Interpresservis; Knizhnyj Dom, 2002.
- Karmanova Zoja. *Fenomenologicheskie aspekty sodержatel'noj struktury slova*. Kaluga: IP Strel'cova I.A (Izdatel'stvo «Jeidos»), 2014.
- Mamardashvili Merab. *Psihologicheskaja topologija puti. M. Prust «V poiskah utrachennogo vremeni»*. SPb.: Izdatel'stvo Russkogo Hristianskogo gumanitarnogo instituta: Zhurnal «Neva», 1997.
- Maslova Valentina. «Russkij jazyk kak duhovnaja sushhnost' i ego rol' v integracii kul'tur». Kurash Sergej (red.). *Tekst. Jazyk. Chelovek*. Mozyr': Izdatel'stvo Mozyr'skogo universiteta, 2019: 6–15.
- Ortega-i-Gasset Jose. *Jestetika. Filosofija kul'tury*. M.: Iskusstvo, 1991.
- Panov Mihail. *Russkaja fonetika*. M.: Prosveshhenie, 1967.
- Shklovskij Viktor. *O teorii prozy*. M.: Sovetskij pisatel', 1983.
- Sossjur Ferdinand de. *Kurs obshhej lingvistiki*. Ekaterinburg: Izdatel'stvo Ural'skogo universiteta, 1999.
- Vatopedskij Iosif. *Slova uteshenija. Besedy o duhovnoj zhizni i o monashestve*. Bogorodicko-Sergieva Pustyn', 2005.
- Vysheslavcev Boris. *Jetika preobrazhennogo jerosa*. M.: Respublika, 1994.
- Zavet gosudarja*. M.: Pravoslavnoe izdatel'stvo «Lestvica», 2000.

Василиј Сенкевич

ПРИНЦИП АНТИНОМИЈЕ И ЕТИЧКИ АСПЕКТИ ЈЕЗИКА

Резиме

Образаже се лингвистичко значење принципа антиномије. Истиче се његов значај у проучавању археологије људске свести и утеловљења феномена у живој речи. Идеја одсуства трага омогућава да се језик као систем знакова супротстави језику суштине, који се остварује у непосредном општењу и утеловљује у уникатном језичком инструменту — живој речи. Речи-ознаке чине антитезу јединицама семиотичког система језика и поседују етички карактер. Дају се концептуални обриси феноменолошке лингвистике, која се супротставља институционалној лингвистици, али уједно иступа и као њена допуна.

Кључне речи: антиномичност, марка, феномен, етос, онеобичавање, жива реч.